

Вот уже пятый раз Инна Александровна Меркулова-Канту приезжает из Парижа через Петербург, Псков, деревню Жидилов Бор, где установлен Мемориал памяти, — в Москву, чтобы 9 мая, в День Победы, принять участие в марше "Бессмертный полк"...

Мы познакомились.

Рассказ, которым она поделилась с нами, о своей семье, военном детстве, о двух капитанах: Александре Яковлевиче Меркулове — командире эскадрильи 200-го дальнебомбардировочного авиационного полка 40-й авиационной дивизии и Морисе Анри де Сейне, капитане эскадрильи "Нормандия — Неман", уверена — никого не оставит равнодушным.

"ЗАВТРА". Инна Александровна, прежде всего, хотелось бы попросить вас немного рассказать о себе, познакомить вас с нашим читателем.

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Очень сложно говорить о себе... Моя мама — с Кубани, из станции Темиргоревская, но не казачка. Она приехала в Ростов учиться на зубного врача, где встретила моего отца, и они поженились. В Ростове-на-Дону находилась воинская часть отца, военного летчика, там же я и родилась. Когда мне было полтора года, мама умерла. Отец женился, мачеха оказалась, как из сказки... Отец вскоре с ней расстался, а меня отправил в Грозный, к своей матери, родне. У сестры отца Нади детей не было, она взяла меня под свою опеку; я жила с бабушкой и тётёй. Отец ещё раз женился, на Кате, и летом 1941-го она приехала в Грозный провести со мной время, чтобы я к ней привыкла. 25-26 июня мы должны были выехать в Ростов, а 22-го началась война. От отца получили телеграмму: Катя, выезжай немедленно, Инну оставь у родных, однако, весь транспорт был уже для фронта, и она задержалась у нас месяца на два.

"ЗАВТРА". Вы помните начало войны?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. С первого дня. Муж тётки Нади, которую я потом стала называть мамой, был мобилизован, находился в пятнадцати-двадцати километрах от Грозного на учениях. С тёткой мы поехали навестить его, это было воскресенье. Провели там целый день, возвращаемся, а улицы — пустые. Обычно кто-то сидит на завалинке, кто-то к кому-то идёт в гости, из окон слышна музыка, а тут — тишина, пустота. И тётка Надя говорит: ой, Инночка, что-то случилось! Мы побежали к её старшему брату, а там уже бабушка, Катя и все родственники, все сидят у радио — началась война. Все плачут, плачу и я. А 1 июля, почему-то поздно вечером, стук в калитку, телеграмма-извещение: "Капитан Меркулов Александр Яковлевич погиб 30 июня 1941 года при выполнении боевого задания". Плач, крики, прибежали соседи, дом полон народа, все плачут, плачу и я. Папа оказался первым погибшим. А сколько было потом... И слёзы, слёзы, слёзы... Потом холодная дождливая осень 1942-го. Немцы приближаются к Грозному. Вокруг города стали рыть траншеи, мужчин не было, посылали женщин, и мама Надя брала меня с собой. Неподальку проходила железная дорога, по ней шли поезда с танками. На них сидели солдаты. Женщины бежали к полотну, махая руками. Бежала и я. Помню, один солдат махал белым платочком и вытирал им лицо. Женщины рыдали. А я плачу и сейчас, вспоминая этого солдата... Бомбёжки, грохот зениток... горит Сталинский район, где находились нефтяные установки и химзавод. Огонь, дым, не хватает воды... Сидим в окопах... По сей день не люблю грозу, особенно ночью, напоминает войну.

"ЗАВТРА". Вам было лет пять? Что побуждало потом всё сознательную жизнь заниматься поиском отца?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Просто всем, что у меня есть в жизни, я обязана своему отцу. Отец развёлся с мачехой, которая плохо со мной обращалась, отправил меня к своей маме, моей бабушке, отправил телеграмму жене: оставь Инну у родственников. А ведь моя судьба могла бы сложиться совсем по-другому: Катя была из Ленинграда и чудом спаслась от блокады. Где бы оказалась её?

"ЗАВТРА". Воспоминания об отце остались?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. По сохранившемуся письму знаю, что осенью 1940-го он приехал к нам, в Грозный, и я помню, что как хвостик ходила за ним следом. Остальное всё — по рассказам.

"ЗАВТРА". И какие были рассказы?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Ну, что он был красивый, волевой, весёлый, душа компании, что справедливость была для него самым главным. Когда он приезжал к нам, соседи, знакомые приходили посмотреть на него, а его племянник Миша захотел стать лётчиком, "как дядя Саша". Любил отец и покурить. Семья старшего брата Ивана жила в Ленинграде, и его жена мне рассказывала: "Иногда Саша прилетал дня на два, и две ночи я не видела Ваню. Уводил его Саша гулять..." А дядя Ваня, скромный семьянин, добавлял: "Тогда отец существовали бабачки с цыганами, и однажды отец-цыган чуть не женил Сашу на дочке, когда он всех гуляк угощал шампанским. На следующий день шёл в аэропорт, прыгал с парашютом, за каждый прыжок давали по 100 рублей, поощряли прыжки. Он получал 300 рублей и в следующую ночь опять купил".

"ЗАВТРА". Одним словом, гусар.

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Отец был родом из большой крестьянской семьи, одиннадцать детей, о его предках можно романы писать. Дед по матери Гордей Сербин был родом с Понташвыни, двадцать пять лет нёс солдатскую службу на Кавказе, а по окончании войны женился на пятнадцатилетней (по её желанию) доносчик казачке Устинье и обосновался в крепости Воздвиженская, известной по рассказу Льва Толстого "Кавказский пленник", в двадцати пяти верстах от крепости Грозная. Там и родилась мама отца Матрёна Гордеевна, моя бабушка, с которой я прожила до её смерти в 1954 году. (Отец отца, Яков Петрович Меркулов, родился в Орловской губернии; родители его, крестьяне, умерли от какой-то эпидемии, ему было около пяти лет. Старшие братья бросили его, и он чудом оказался в Воздвиженской...) Они поженились, начали совместную жизнь очень скромно, но работали не покладая рук. К началу XX века разбогатели, приобрели генеральский дом, косилку, молотилку и "наималиа девок из Грозного картошку копать"... После революции Воздвиженская была разграблена. Бежала, жили в заброшенных вагонах, перемещались по всему Северному Кавказу. Добрались до Георгиевска, где дедушка, помня тяжкую юность, встал на сторону большевиков и работал пропагандистом-агитатором. Но вскоре умер от тифа, и бабушка осталась вдвоём с тремя мальчишками на руках: 14, 12 и 6 лет. Никто не стал воршишкой или хулиганом. Старшего Ваню крас-

ноармейцы упростили бабушку отпустить с ними: "...а как закончится война, отправим учиться". Так и случилось — стал полковником-артиллеристом. Когда закончилась Гражданская война, вся семья поселилась в Грозном. Там давали землю и ссуду для строительства дома, и бабушка с сыновьями построили дом, в котором я прожила детство и юность. У всех родственников были свои дома.

"ЗАВТРА". И что привело вас во Францию?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. В 1958-м году приехала в Москву, поступать в Библиотечный институт. Но так

«ЧТОБЫ СПАСТИ ДРУГИХ»

Эхо «Бессмертного полка»

получилось, что институт не закончила, а познакомившись случайно с будущим мужем (он был военным атташе Франции в Советском Союзе), в 1961 году уехала во Францию.

"ЗАВТРА". Тогда и решили искать сведения об отце?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Я даже не решала, в семье всегда о нём говорили... Вою войну ждали, думали: а вдруг вернётся? Такое было чувство. Может, прыгнул с парашютом, оказался в плену. Катя, его третья жена, нам написала, что кто-то из его товарищей видел, как самолёт загорелся в воздухе... И после войны ждали. Делали запрос в Минобороны, ответ был: "Погиб при выполнении боевого задания"...

"ЗАВТРА". Вам кто-то помогал с поиском?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Никто абсолютно, я в одиночку. Делала запросы в военные комиссариаты. Из Грозного сообщили, что отец — в списке пропавших без вести... И вдруг в 2005 году получила большой конверт из Посольства России во Франции. Военный атташе сообщал: есть данные о том, что отец был послан с заданием на Западную Двину для остановки немецких танков, и что оттуда не вернулся. Место Ливенгоф, это Латвия. Я написала в Подольск, в Военный архив, с просьбой сообщить мне всё, что известно об отце, и спустя долгое время получила его служебный список. А потом по русскому телевидению увидела репортаж о "поисковиках", нашедших в Латвии самолёт с останками летчика, а затем его родственницу в Грузии.

"ЗАВТРА". Ваша реакция?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Помчалась в Ливенгоф. Пошла в православную церковь. Работавшие там реставраторы посоветовали обратиться к священнику. Спрашиваю у него: "Может, есть старожилы, кто помнит, как здесь самолёт разбился?" — "У меня есть прихожанин, у него отец, ему 80 лет, спрошу его". Я оставила священнику свои контакты, уехала в Париж. Это было в конце сентября 2009 года. А в конце ноября раздаётся звонок, двоюродная племянница Мила из Балабаново говорит: "У меня для тебя есть новость: нашли могилу твоего отца!"

"ЗАВТРА". Каким образом?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Случайно. Через соцсеть "Одноклассники" вышли на другую мою двоюродную племянницу (полную тёзку, она живёт в Казахстане) с вопросом "Вы случайно не дочь капитана Александра Яковлевича Меркулова?". Племянница связалась со своим двоюродным братом Сергеем из Воронежа, но у того тоже не было моего адреса, и он позвонил Миле, с которой мы всегда поддерживали отношения. В результате Мила дала мне телефон Наташи Дзюбы из Керчи, которая работает с "поисковиками". Она сообщила мне, что отец похоронен в Псковской области на мемориальном кладбище "Жидилов Бор". "Поисковики" нашли его в 2001 году. Удалось поднять самолёт из болота и по номеру мотора установили личность погибшего лётчика. Отец погиб 30 июня 1941 года, а самолёт подняли 30 июня 2001 года. День в день после гибели, через шестьдесят лет. Мистика какая-то! А Наташа девять лет искала его родню по Интернету!

"ЗАВТРА". Удивительная история! И вы встретились с "поисковиками"?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Да, Наташа дала мне их телефон. Хотела сразу поехать, но они мне сказали: сейчас снег по колено, подождите весны. Весной, как только снег растаял, я приехала в Псков, где и познакомилась с ними.

"ЗАВТРА". Какое впечатление они произвели на вас?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Это люди, можно сказать, не от мира сего. Так, вроде обычные люди... Каждый работает на своём месте, один в транспортной компании, всю неделю ездит между Эстонией, Латвией и Псковом, другой — музейный работник, третий полностью посвящает себя поиску. В выходные они собираются, едут на раскопки в леса, на болота... С "поисковиками" работают школы, учителя с учениками. Одна девочка, Алина Трашкова, под впечатлением от работ, от знакомства с историей моего отца поступила в Псковский университет на исторический факультет.

"ЗАВТРА". Где находится место гибели отца?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Станция Кебь, недалеко от станции — болото.

"ЗАВТРА". Инна Александровна, что вы пережили, какие эмоции испытывали при виде места гибели отца?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Я даже не могу сказать, слов не хватает. Представляла, как летит огненный горящий самолёт, как резко свернул в лес, чтобы не упасть, как рассказывали, на вагоны с людьми... Думала: вся семья ждала отца, и вот мне довелось всё-таки узнать, где и как он погиб, увидеть это место, здесь даже цветочки болотные растут... С тех пор я приезжаю в Россию каждый год. Из Парижа лечу в Петербург (нет прямого рейса в Псков), где провожу дня три-четыре, потом маршруткой еду во Псков. Встречаюсь с "поисковиками", едем в Кебь, потом на место захоронения — к мемориалу "Жидилов Бор". Из Пскова еду в Москву и с "Бессмертным полком" прохожу на Красную площадь.

"ЗАВТРА". С портретом отца, с памятью...

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Да, со мной портреты четырёх героически погибших. Об отце Александре Меркулове (ему было 35 лет) я уже сказала. Ниже его — младший брат, Алексей Меркулов, военный техник, был мобилизован 10 июля 1941 года. Я помню, как он пришёл к бабушке прощаться. Посадил меня со своим сыном на колени, а у самого слёзы на глазах. Я не понимала тогда, почему же он, мужчина, плачет? Обнимаю бабушку, сказал: "Прощайте, мама, иду на гибель".

Через три месяца он без вести пропал где-то под Киевом, ему было 28 лет. Справа от него — мой двоюродный брат Дюков Михаил Георгиевич, 1920 года рождения, выпускник лётной школы в Ейске. Морской лётчик. Младший лейтенант. Имел отличные характеристики от командования. Псковские "поисковики" достали для меня его награжденные листы: 29 сентября 1942 года был награждён орденом Красной Звезды, 26 августа 1943 года — орденом Отечественной войны I степени. Геройски погиб 28 сентября 1943 года при выполнении важного боевого задания, был сбит артиллерией противника в районе Констанцы (Румыния), ему было 23 года.

"ЗАВТРА". А кто на четвёртой фотографии?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Шутя говорю — мой сосед. Была такая история. Лет десять назад я переехала на улицу Декабри в 16-м квартале Парижа и на доме №2 увидела мемориальную доску с поразившим меня текстом: "Здесь жил Морис Анри де Сейн, капитан эскадрильи "Нормандия — Неман", героически погиб в Дубровке 15 июля 1944 г.". Я связалась по телефону с его родственником. Мы познакомились, он подарил мне журнал, посвящённый полку "Нормандия — Неман". Вспомнила тогда одноимённый советский фильм 1960 года... 15 июля 1944 года полк "Нормандия — Неман" осуществлял перелёт на новое место. Через двадцать минут после взлёта капитан де Сейн сообщил по радио, что самолёт терпит аварию, происходит утечка горючего, и образовавшиеся в кабине пары ослепляют его, делают посадку невозможной. С земли поступает

приказ покинуть самолёт. Ответ Мориса: "Не могу этого сделать: механик (Владимир Белозуб) не имеет парашюта". Он делает вторую попытку приземлиться. Неудача. Самолёт взрывается на глазах у всех. Морис де Сейн родился 7 августа 1914-го в Париже и 30 июня 1944 года погиб в России. Молодой, красивый, богатый аристократ, он не искал лёгких путей в жизни, а прилетел в Россию, чтобы сражаться с фашизмом. Каждый раз, приезжая в Москву, я еду на Введенское кладбище, где он похоронён. Знаю, что советский генерал Захаров навещал мамд де Сейн, и она сказала: "У меня был единственный сын, и он мог бы спастись... но честь нашей семьи была бы опорочена. Мой сын поступил благородно"... Знаю, что свидетель гибели самолёта моего отца рассказал "поисковикам": в тот момент на станции Кебь стояли поезда и было огромное скопление беженцев, с ужасом глядящих на мчавшийся прямо на них горевший самолёт. Буквально в нескольких метрах от них самолёт вдруг резко рванул в сторону леса и в ста метрах от обомлевшей толпы взорвался. Пилот, явно зная, что погибает, сделал всё возможное, чтобы спасти людей. Так два капитана: французский аристократ и русский крестьянский сын, — погибая, проявили величие духа. В этом году я добавила пятую фотографию. На ней — старший брат отца, Иван Яковлевич Мерку-

лов, 1904 года рождения. Единственный в семье, кто остался жив, дошёл до Берлина в звании полковника.

"ЗАВТРА". Что значит для вас акция "Бессмертный полк"?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. "Бессмертный полк" — это нечто грандиозное, конечно. Первый раз в 2015 году со мной была пара, муж и жена из Франции, мои соседи. У памятки Пушкину мы присоединились к шествию. Шли медленно, фотографию отца я несла в простом прозрачном конверте. Было очень жарко. Удивительно, каждый рассказывал другому историю своих родных, пели, танцевали, лились песни военных лет, детишки в пилотках, полевой форме с цветами. Начали движение в два часа и только к шести подошли к Красной площади, но и мои друзья-французы не хотели покидать строй, так были тронуты происходящим, с Красной площади звонили домой во Францию, рассказывали. Удивительное чувство общности, единения...

"ЗАВТРА". Инна Александровна, завершая беседу, хотела бы спросить: что значит для вас подвиг?

Инна МЕРКУЛОВА-КАНТУ. Такой момент, думаю, когда ты ни к чему не готовишься. Перед тобой встаёт выбор: выжить или не выжить, но спасти кого-то, пожертвовать собой... Один в такой момент спрячется за спину, другой — сделает всё возможное и невозможное, чтобы спасти других.

Беседовала Марина АЛЕКСИНСКАЯ

Жили Были

МЕЩАНСТВО И ХАМСТВО смертельно опасны. Смертоносы. Мещане и хамы убивают ради своего брюха и пуховых перин, и напрямую, и мимоходом — сопутствующие потери. Тряпье, дресс-код — главное мерило. "Своя рубашка — это своя рубашка" — закон непреклоннее, чем Конституция. Раньше хамство и мещанство порицались, их искореняли. Новейшие времена выколачивают в человеке человечность, потому эту "парочку" насаждают и лепют.

Хамам и мещанам есть, с кого брать пример — с элиты! Той, что носит часы за 36 миллионов, костюм за 500 тысяч, когда пенсионеры сидят "на мажорашках", а детей нечем лечить. И такая показная разнузданность власти имущих — не только пример, но и "отмазка" для мещан: если нашей "верхушке" важнее костюм и домик для утки, чем здоровье и жизнь граждан страны, которой они рулят, то с меня какой спрос? Думаешь: для чего отговосуду-повсюду насаждают базарное хабаловство? "Звёзды" со штопанными-перештопанными "фейсами" поучают: по что одеться, как поест, какими обоями поклеить стены, какой диван поставить у какой стены. Но какая свержидея в этих мещанских хлопотах у заграничных кураторов нашей элиты,

ЧУЖИЕ ДЕТАЛИ

Об импортозамещении в умах

которая над нами — госпожа, а перед границей — подобострастный лакей? Да потому что в трудные времена выжить, выстоять можно только вместе, сообща, помогая и поддерживая друг друга. У хама и мещанина нет понимания сороборности, коллективной ответственности, им неведомо, что такое "сообща", что такое помощь. Эта публика солидаризироваться и "за други своя" что-то сделать просто физически не способна. А чтобы "отжать", со всеми её ресурсами, страну, занятую хамами, армии не нужны! По одному перещёлкаешь в очереди за брендовыми шмотками в полцену.

"Юноше, обдумывающему житие", навязывают: ты и твой "прикид" — в центре мироздания — именно, чтобы омещанили, охамить.

Катастрофа самолета SSJ-100 в Шереметьево высветила в буквальном смысле из огня людей, зачастую чужих, выносили, жульничая жертвовали, грудуно на амбразуру — за жизнь товарищей? Вы, их ничтожные потомки, баулы спасаете, остав-

ляя людей в огне". Памятник победившему хаму и "новому мышлению": мурло либерализма на поле Шереметьева с чемоданом на колёсиках.

Правоохранители спешат опровергнуть мещанские преступления. Слава бы Богу. Но кого опрашивали? Тех, кто спасся, прихватив с баулы?

И обращаю на себя внимание крики о ненадёжности отечественной авиатехники. Советская, безусловно, была надёжнее. Да и оборудование в этом "супер" — то, что вышло из строя, — оно чьё? "Иностранное название самолёта (Sukhoi Superjet 100) связывают с тем, что он почти на 80% собран из импортных комплектующих. Систему удаленного управления представляла немецкая компания Liebherr Aerospace. Бортовое оборудование представляла корпорация из Франции Thales. Все комплектующие пассажирского салона разработала американская компания Aerospace. Шасси, гидросистему, топливную систему, тормоза и электронику также предоставили иностранные компании".

В стародавние времена сатирик Райкин всесоюзно и беспощадно порицал советских портных, плохо пошивших костюм. А всё потому, что рукав шьёт один, пуговицы пришивает другой, воротник тачает третий. Негодная совояние власть обеспечивала негодными костюмами творческую интеллигенцию, за что и была заклеймлена, а потом и уничтожена. Самолёты и ракеты

выпускали превосходные, а костюмы шили так себе. Долгой такую власть!

Ныне потомки этого сатирика шьют себе отличные костюмы по всему миру. Но уже — не до самолётов. Их летят из чего придётся, кто что пришивает. Но не слышим от потомков в хороших костюмах, чтобы клеймили эти французско-немецко-американские системы.

К тому же, "по данным международной ассоциации воздушного транспорта, в мире в результате авиакатастроф гибнет около 580 человек в год. В среднем погибает один пассажир из 4,7 млн.". А вот в авиоавариях только в нашей стране гибнет около 20 тысяч человек в год. "В России поездка на автомобиле примерно в 200 раз опаснее самолёта". За один сутки в России в авиоавариях погибает 47 человек! И подавляющее большинство автомобилей ныне иностранные, а отнюдь не отечественные, или собранные у нас из завезённых комплектующих. К тому же у то и дело выясняется, что разработчики автомобилей лгали скрывали данные о дефектах, которые могли привести к отказу техники. Но не слышно криков, что иномарки массово убивают россиян.

Странная цель новостных подач: не просто сообщить о чём-то, а заклеймить всё наше, которое к тому же оказывается не совсем нашим. А осадок остаётся.

Анна СЕРАФИМОВА

О жизни за городом

РИА "НОВОСТИ" сообщает: "В России выросло число желающих продать собственную дачу. Отмечается, что количество предложений на продажу загородных участков в первом квартале 2019 года увеличилось на 21,9 процента по сравнению с 2018-м. Спрос на покупку дач также вырос, но только на 0,7 процента.

Как полагают опрошенные эксперты, такая ситуация, вероятно, в первую очередь связана с дачной реформой. В частности, владельцев участков могло напугать ужесточение норм регистрации недвижимости в собственности".

Комментаторы уже оповестили: люди беднеют, вот и пытаются продать не жизненно необходимое имущество.

В реальности, как мне представляется, дело обстоит сложнее: одни продают оттого, что беднеют, другие — оттого, что богатеют. Одним "шестиоточную сараюшку" содержать не по средствам, а другим она кажется убогим наследием, которое они переросли — чем-то вроде нелепого пыльного ковра в ветхом здании. И первых и вторых к продаже подтолкнули новые дачные правила. Не будь нового налога — ну, стоит эта дача (каши не просит, как говорится), а ввели налог — и решили от неё избавиться.

Современные люди непрерывно крахтят и жалуются, но факт есть факт: дощатые "скворечники" на шести сотках с "удобствами" на дворе в сознании очень многих морально устарели. Будет тебе молодой яппи возиться с упавшим забором, кошкой грядок и "закрыванием" банок!.. Он это всё презирает: непристойно, мол... Поколение же дедов этих самых яппи охотно этим всем занималось. И понятно почему: помнили настоящий голлод и инстинктивно стремились вырастить что-то съедобное. Шесть соток и возникли-то не для отдыха, а для самоснабжения овощами-фруктами. Помню, моя мама говорила: "Раз есть земля, надо что-то выращивать". И вырачивала: после её смерти мы несколько лет ели засоленные ею огурцы. Уже моё поколение относится к делу с гораздо меньшим энтузиазмом, а про молодых и говорить нечего. Отдыхать? Тесниться на шести сотках? Каждый офисный "сиделец" знает хотя бы из сериалов про "долгие виту", каким должно быть загородное жильё-бытьё: просторный участок, элитный особняк... а ты, бабуля, всё про свою халупу. Да продать её хоть за сколько!..

Некоторые дачевладельцы, случается, покупают соседские участки, объединяют. Если место приличное — строят хороший дом, часто для постоянного проживания. Добротные дома строят и в так называемых "стародачных" посёлках, где участки изначально большие. Сегодня меняется весь строй жизни, и, похоже, шестисоточные участки в новой жизни большой перспективы не имеют. Недаром очень много заброшенных дач, что, вообще-то, очень жалко: куда умнее грядки копать, чем "в телефоне" сидеть.

Каким будет загородное жильё в будущем, когда бабушки вымрут, а яппи состарятся? Мне кажется, акцент будет делаться на краткосрочную аренду. Собственно, дачи, которые строили на своих пригородных землях обедневшие помещики, и предназначались для аренды. В конце XIX века как раз развивался средний класс: инженеры, адвокаты, учителя гимназий — вот они и снимали дачи. Есть даже целая пьеса Горького "Дачники". Но дачный сезон у нас короткий — максимум пять месяцев, а скорее, всего три. Наверное, можно соорудить, как использовать эти строения вне сезона. Но это будет делять — непонятно. Тут нужен двадцатилетний кредит под очень низкий процент, а этого нет.

Вполне возможно, жители коттеджных загородных посёлков будут сдавать помещения дачникам, как это делают жители Ялты и Сочи.

Для дешёвого отдыха, возможно, возродится феномен турбазы. Есть такой формат отдыха на природе: питание организовано, есть туалеты, душевые, а для сна — палатки. У нас, скорее, подойдут домики, сдаваемые внаём. Недалеко от Муром я такое в прошлом году видела, на берегу "репикового" озера, даже провела там день. Можно предположить, подобные поселения можно будет делать на основе существующих садоводческих некоммерческих товариществ.

Но всё это, конечно, полумеры. Мне кажется, перспектива — за коттеджными посёлками, т.е. постоянными поселениями из домов, окружённых садами. Подлинное решение — город-сад. Собственно, 100 лет назад все города были в основном одно- или двухэтажными. Моя бабушка жила в центре Тулы в доме с садом, и все дома там были такими. Многоэтажные дома были разве что в Москве, Ленинграде и некоторых других крупных городах, и многими они ощущались как нечто противостественное. "Вас заменили уроды, грузные, в шесть этажей!", — писала Марина Цветаева о преобразованиях в старой Москве. Интересно, что бы она сказала о многих достижениях современной архитектуры и градостроения? Жить в доме с садом — это соответствует человеческой природе, а жить "на этажах" — источник вечного стресса. Человеку нужно такое жильё, из которого не нужно выезжать, проталиваясь в пробках, чтоб послушать птичек и глотнуть кислорода.

Но это — мечты. А происходящие у нас, как и во всём остальном мире, процессы — это реальность: превращение общества в капиталистическое, где многим богатым хочется быть всё богаче, а многим бедным де-факто получается становиться только беднее. Богатым эти шестисоточные дачи ни к чему, а бедным — уже не по карману. Вот их и продают.

Татьяна ВОЕВОДИНА